

Лев Толстой

10 ноября (28 октября) 1910 года Толстой внезапно уехал из Ясной Поляны, в которой прожил почти безвыездно около полувека. Восемидесятидвулетний писатель осуществил давно задуманный план: порвать и внешне с ненавистным ему собственническим миром, стать одним из тех праведных странников, образы которых, начиная с 80-х годов, не сходят со страниц его произведений. «Уход» великого писателя всколыхнул все культурное человечество. В течение нескольких дней нельзя было установить, куда направился Толстой и где он находится. Когда, наконец, узнали, что заблудившийся в дороге Толстой вынужден был остановиться на станции Астапово, эта доселе неизвестная станция приковала к себе внимание всей мировой общественности.

В жгучем интересе, проявленном буржуазным общественным мнением к уходу Толстого, было, конечно, много нездорового любопытства. Но какую бурю чувств и мыслей пробудили уход, болезнь, последняя борьба и смерть великана мировой литературы у крупнейших его современников, видно из того, как реагировал на эти события Горький. В одном частном письме Алексей Максимович — он жил тогда на Капри — подробно рисует свои глубокие и сложные переживания, связанные со смертью человека, о котором Горький несколько позже сказал: «Толстой — это целый мир». Когда телеграф принес известие, что Толстого не стало, Горького «ударил в сердце», и он «заревел от обиды и тоски». Величайший современник Толстого, Ленин отозвался на его смерть пятью статьями. Уже то обстоятельство, что Владимир Ильич уделил столько внимания смерти Толстого, свидетельствует о значении, которое Ленин придавал «великому писателю земли русской». Замечательные статьи Ленина, играющие такую плодотворную роль в развитии советского литературоведения, — ключ к пониманию жизни и творчества Толстого.

Толстой родился 9 сентября 1828 года в Ясной Поляне. Ему еще не было двух лет, когда умерла его мать, урожденная княжна Волконская (прототип княжны Марьи Болконской из «Войны и мира»). Рано лишившись Толстой и отца, скончавшегося внезапно в 1837 году. Опексмыми сиротскими бабушками и тетюшками, мальчик живет то в Москве, то в деревне, то в Казани. Знаменитая трилогия («Детство», «Отрочество» и «Юность») дает чрезвычайно яркое и правдивое представление о том, как протекало развитие Толстого-ребенка, о глубине и сложности его детских переживаний, о рано развившейся мечтательности.

В 1844 году, подготовленный гувернерами и домашними учителями, он поступил на восточный факультет Казанского университета, потом перешел на юридический, откуда вышел через три года, не кончив курса. Юноше не сидится на месте. Он то в Москве, то в деревне, то в Петербурге; то готовится к экзаменам на звание кандидата прав, то собирается участвовать в венгерском походе, то хлопотает о поступлении на службу в министерство иностранных дел. Недовольство собой, незнание, куда деть растущие молодую силы, выразительно показаны в неоконченном рассказе «История вчерашнего дня».

Весной 1851 года Толстой уехал из Ясной Поляны на Кавказ и поступил добровольцем в действующую армию.

Кавказ, воспетый Пушкиным, Лермонтовым, Марлинским, прекрасный и грозный Кавказ оставил глубокий след в его творчестве. От «Набег» (1852) до «Хаджи-Мурата», над которым Толстой работал до 1904 года, кавказская тематика окрашивает ряд его произведений, и среди них такое значительное, как «Кавкази». Но «погибелый» Кавказ не вскружил головы будущему величайшему реалисту. Уже «Набег» знаменует, правда, в зародыше, то изображение войны, которое позже так блистательно дано в «Севастопольских рассказах» и в «Войне и мире». Толстой участвовал в ряде сражений, едва не был убит снарядом, чуть не попал в плен. В начале 1854 года, после кратковременного пребывания в Ясной Поляне, Лев Николаевич перевелся в «Дунайскую армию», где в чине младшего офицера (прапорщика) участвовал в осаде Силистрии. В армии он облизился с группой прогрессивно настроенных офицеров, мечтавших об организации общества для просвещения солдат, об издании для них журнала. Осенью того же года Толстой добился перевода в Севастополь, где оставался около двух лет, вплоть до падения крепости.

Севастополь — одна из важнейших вех в жизни и творчестве Толстого. Толстой — не только автор «Севастопольских рассказов», но и храбрый командир, отважный участник героической обороны Севастополя. То, что бродило в молодом кавказском юнкере, нашло уже зрелое выражение в защитнике знаменитого четвертого бастиона, в талантливом авторе «Рассказов». Не войну-парад, плывущую в церемониальном, торжественном марше, и не бессловесную «серую скотинку», предводимую «героями» в раззолоченных мундирах, а настоящую войну, будничную, страдную, которую приоткрыл уже тогда перед русским читателем гениальный юноша Лермонтов в «Бородино» и «Валерийке», и героическую солдатскую и матросскую массу, простую и суровую в своем патристическом поведении, показал Толстой. В письме к брату, восторгаясь мужеством защитников Севастополя, он пишет: «Рота моряков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сместить с батарей, на которой они простояли 30 дней под бомбами». Матросами, солдатами, незнанными армейскими и флотскими офицерами, Нахимовым и Кор-

К 30-летию со дня смерти

ниловым, Толстым — командиром и автором «Севастопольских рассказов» — руководило одно чувство, «лежачее в глубине каждого, — любовь к родине». Рисую «ужасные и грустные, великие и забавные, но изумительные и возвышающие душу» картины, молодой писатель тем самым говорил себе и своему народу, что в падении Севастополя виноват не русский солдат, не русский матрос, не талантливый и мужественные флотоводы и полководцы, как Нахимов, Корнилов, Истомин, Тотлебен, Хрулев, а феодально-крепостнический режим николаевской России и такие его

«продукты», как Меншиков, Горчаков и другие.

Под ядрами англо-французской десантной армии, как и раньше под пулями казачьих горцев, Толстой искал ответа на один и тот же вопрос: о жизненном пути человека, о будущем страны, о доле народа. Совсем еще юношей, он в «Утре помещика» задумался над положением крестьян, тогда еще крепостных. И с тех пор и до последнего вздоха вся его огромная литературная и общественная деятельность есть не что иное, как постановка и попытка решения крестьянского вопроса. Это и сделало Толстого «зеркалом русской революции». Либерально-народническая и меньшевистская критика не могла понять процесса превращения барина-графа в мужика. Не понял этого и Плеханов, ибо он не понимал роли крестьянства в русской революции. Гениальная ленинская диалектика разъяснила миру, что никакой «десницы и шуйцы» (правой и левой руки), как выражался в то время народнический критик Михайловский, в деятельности Толстого нет, что все его творчество, весь Толстой — это единство, единство противоположностей, порожденное ходом русской истории, своеобразным развитием русской буржуазно-демократической революции, идеологии патриархального крестьянства, отражением которой и была вся литературная и философская деятельность Толстого.

Противоречия Толстого обнаружилились не сразу. Автор «Лоперна», «Казак», «Холстомера» мог еще сойти за демократически настроенного романтика, увлекающегося Руссо (портрет его Толстой одно время носил на груди), клянувшего «гнилую» цивилизацию, призывающего к слиянию с природой. Сюда же можно было отнести и его деятельность в деревне в качестве мирового посредника, призывавшую помещиков, как это видно из их доносов по начальству, «огромные потери» и создававшую «враждебное отношение крестьян к помещикам». Нет еще последовательного отрицательного отношения к своему классу и в «Войне и мире».

Уже давно признано, что более значительного произведения, чем «Война и мир», в мировой литературе нет, что ни один писатель не создал романа, который по глубине содержания и по художественности может быть поставлен рядом с толстовской эпопеей. Такой мастер европейского романа, как Флобер, в письме к Тургеневу, благодаря за присылку «Войны и мира», писал: «У меня вырывались крики восторга при чтении этой вещи». Заключение в форму семейной хроники, роман Толстого вместе с тем содержит, по словам автора, «мысль народную». Это значит, что Толстому удалось показать Отечественную войну, «прозу двенадцатого года» (Пушкин), крестьян и солдат, спасших родину, выгнавших из страны остальных разбитых или наполеоновских полчищ. «Война и мир», как и «Севастопольские рассказы», — апология справедливой войны.

Заключенный положительный образ с точки зрения Толстого дан в лице крестьянина Каратаева. Этот «кроткий», закоренный человек, мудрость которого засаждает Пьера Безухова, символизирует реакционные черты крестьянской психологии, ту, по выражению Ленина, «азиатчину», которая несколько позже была развита Толстым в учении о «непротривке зла» насильем. Но не каратаевщина делает «Войну и мир» редчайшей драгоценностью мировой литературы, а развращенная в романе грандиозная панорама событий и лиц, нарисованных с изумительной художественностью, и сатирическое изображение официальной России. Правда, Толстой в «Войне и мире» показал не только распутную, вырожденческую семью Курагиных, не только бездушных карьеристов Друбецкого, Берга и других. Мягко, любовно нарисованы Ростовы, Болконские, Пьер, весь их быт, патриархально-идиллические крестьяне, которые славы «барина-отца». В этом изображении скатывается одно из ранних противоречий

Толстого, совмещающего критическо-реалистический показ среды и людей своего класса с некоторой их идеализацией. Эта идеализация не помешала, однако, Толстому понять и показать, что Бородину выиграно народом, капитаном Тимохиным, Кутузовым, а не Александром и Беннигеном.

Выясняя происхождение «действительно кричащих» противоречий Толстого, Ленин относит его творчество к эпохе 1861—1905 годов. Цитируя слова Левина («Анна Каренина»): «У нас теперь все это переморочилось и только укладывается», Владимир Ильич говорит: «...трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов». И далее Ленин, характеризуя тактику Толстого, замечает: «Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй». Толстой ненавидел капитализм так же, как его ненавидело крестьянство, но и боролся против капитализма так же, как боролось против него подавляющее большинство крестьянства. «С одной стороны, — пишет В. И. Ленин, — века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости». Эта сторона крестьянской идеологии Толстого обусловила «срывание всех и всяческих масок», которое с особенной силой выступает в «Анне Карениной», «Воскресении», «После бала», «Живом трупе» и других произведениях последних десятилетий его творчества. «В нашей революции, — продолжает Ленин, — меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «хотателей», — совсем в духе Льва Николаевича Толстого!». Вот откуда то противоречие Толстого, которое привело к непоследовательности, «политическому неведению», революционной мягкотелости и породило «...леповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины». И показанный в «Анне Карениной» Левин находит выход из своих исканий в том, чтобы жить «по-божьи», как праведный крестьянин Фоканич, но Толстой не сумел показать нам, во что вылилась христиански праведная жизнь Левина; зато он с исключительной силой изобразил, как и почему погибла Анна Каренина: ее прекрасную голову бросила под колеса поезда среда, в которой так волготно дышится Каренину, Облонскому, Бетси Тversкой. То же и в «Воскресении». Разоблачено, и с силой поистине потрясающей, все: семья, церковь, государство. С этих фетишей буржуазного общества сброшены маски. И они предстали перед нами во всей своей отвратительной наготы. Но спасение, по мысли Толстого, должно прийти от непротривления, самосознания, от того, что «воскресению» Нехлюдова. Но Нехлюдов — не живой образ, а схема, и, кроме того, с ним, как и с Левинным, читатель прощается, так и не зная, как сложились их жизни после «воскресения».

Как известно, сам Толстой, переживший в семидесятых — начале восьмидесятых годов «кризис», осудил всю свою прежнюю литературную деятельность, стал вегетарианцем, оделся в сермягу, начал тачать сапоги. Эта его практика в сочетании с теорией, изложенной в «Исповеди», в статье «В чем моя вера?», в статьях об искусстве, и положила начало толстовству и его практическим попыткам создать «царские божие на земле» в виде артелей-колоний, сплошь интеллигентских по своему составу. Крестьянство не пошло за Толстым, оно пошло за рабочим классом, исторической миссии которого Толстой не понимал.

Толстой с нескрываемым негодованием и отращиванием относился к самодержавию. В разгар бессудных казней в 1908 году раздавался его голос протеста, прогремевший на весь мир — «Не могу молчать!».

После «Воскресения», которое стоило Толстому отлучения от церкви, его популярность достигла вершины. Со всех концов света, из Австралии и Японии, из Китая, Аргентины и Капштадта, к нему шли письма, нередко с адресами: «Россия, Толстому». А Ясная Поляна стала буквально местом паломничества, куда стекались люди самых различных взглядов и положений. В эти последние годы жизни Толстого знал его Горький, создавший в своих воспоминаниях непревзойденный портрет человека и писателя, творчество которого выступило, «...как шаг вперед в художественном развитии всего человечества» (Ленин). Восхищаясь художественным гением Толстого, Владимир Ильич говорил Горькому: «—Какая гибель, а? Какой матерый человек! Вот это, батенька, художник...»

Как художник-реалист, Толстой непримирим. Его проникновение в психику людей, его портреты и пейзажи, всегда живые, динамичные, — все это совершенно неизгладимо. Так же совершенен его язык. Язык Толстого прост, иногда суров, там, где это надо, даже грубова. Он неутомимо, без конца работал над языком, добиваясь предельной выразительности и простоты. Огромное влияние Толстого на развитие русской и в том числе советской литературы.

Народы СССР, строящие под водительством великого Сталина единственную справедливую жизнь, никогда не забудут того, кто прославил русскую литературу, — имя Льва Николаевича Толстого.

И. М. РОЗЕНТАЛЬ.